

Осторожно! Волшебство затягивает...

Татьяна ЛЕВАНОВА

СКОЗНЯКИ

Ледяной рыцарь

СКВОЗНЯКИ

Татьяна Леванова
Ледяной рыцарь

«Леванова Татьяна»

2007

Леванова Т. С.

Ледяной рыцарь / Т. С. Леванова — «Леванова Татьяна»,
2007 — (Сквозняки)

ISBN 5-699-18590-9

Как же хочется пожить чужой жизнью, сидеть на троне в богатом наряде и повелевать рыцарями! Вернее – рысарями, потому что именно к ним попала Маша, когда перенеслась в другой мир, чтобы выполнить миссию Сквозняка. В этом мире миссии словно звенья цепи, словно диски на пирамидке, словно матрешки, только завершишь одну, соберешься домой – вот тебе следующая. Маша меняет титулы как наряды, от принцессы до самозванки, от дикарки до ученицы лекаря, и все равно не приближается к разгадке. Кто этот ледяной рыцарь, которого ей нужно спасти? Кто третий жених, несущий с собой гибель? Кто принес в эту заснеженную страну проклятие ледяной кости? И, наконец, как выбраться из всех этих переделок и все-таки выполнить свою миссию?

ISBN 5-699-18590-9

© Леванова Т. С., 2007

© Леванова Татьяна, 2007

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	20
Глава 6	24
Глава 7	27
Глава 8	30
Глава 9	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Татьяна Леванова

Сквозняки. Ледяной рыцарь

Глава 1

Чужая жизнь сладка...

Тепло, тепло, теплота без пощады, сонная, тихая, скучная теплота, теплый чай, теплый суп, теплое одеяло, надоевшая до последней мелочи комната, ромашковый настой, шерстяной шарф. Жмурится спросонок потолок в белых узорчатых плитках, зевают поп-звезды на постерах, мельтешат в глазах голубые цветы на обоях, лениво развалились книги на полках. Все давно знакомо, как лица домашних, неинтересно, как выключенный телевизор... Уже две недели Маша лежит в постели, и ей до смерти надоело болеть.

– Диазолин, анаферон, амоксилин, мукалтин, интерферон, фарингосепт, нурофен, – это не ведьма в соседней комнате читает заклинания плаксивым, раздраженным голосом, это мама перечисляет папе, что пришлось выпить Маше за последнее время.

– Милая, не спорь со мной, я педиатр, мне лучше знать, что назначать, через мои руки прошло много детей... – папин голос гудит за стеной растерянно и немного обиженно.

– Не надо! – останавливает его мама. – Не надо рассказывать мне о твоих пациентах! Это мой ребенок, и я больше не позволю пичкать девочку химией.

– Не надо бояться химии, словно какой-то дикарь с дубиной, – возражает папа. – И в тебе, и во мне, и в Маше постоянно происходят химические процессы. Курс антибиотиков окончен, отек с горла начинает спадать, опасность позади. Намного больший вред для Маши представляют всевозможные разрекламированные панацеи и народные средства, которые помогли мужу соседки и пуделю тетушки, но неизвестно, как скажутся на нашей девочке.

– Я по крайней мере не превращаю ее в фармацевтическую бомбу, – с достоинством отвечает мама, входя в Машину комнату с миской в руках. Опять что-то теплое, с тоской замечает девочка и со вздохом отворачивается к окну, такому прекрасному – покрытому ледяными стрелками, за которым скованные морозом сверкающие улицы, где идет совсем другая жизнь... Приближается Новый год. Кто-то украшает елку – девочка попыталась вспомнить запах хвои и не смогла, в комнате пахло ромашкой и эвкалиптом. Кто-то заворачивает подарки в хрустящую бумагу. Кто-то собирается на вечеринку. Какая-нибудь девочка, к примеру, Светка Новорусова выбирает одежду поярче, рисует на ногтях цветы гелиевой пастой, напевая при этом. И только Маша лежит под одеялом, слушает бесконечные споры родителей о том, как и чем ее лучше лечить...

– Ну вот опять, что у тебя в миске? – допытывается папа. – Только не говори, что кашка.

– Это пюре. Банановое, с сахаром, разогретое на водяной бане, – объясняет мама, нервно помешивая в миске. – Между прочим, превосходное народное средство от кашля, простуды и...

– Прости, какая народность лечится бананами? – удивляется папа.

– Африканская, – неуверенно отвечает мама.

– Прекрасно! В жаркой-жаркой Африке все просто мучаются от бесконечных простуд и лечатся только бананами!

– Мама, я сама могу поесть, – Маша приподнимается и отнимает у мамы ложку, когда та пытается ее кормить, как маленькую. Мама нехотя отдает миску. Девочка, задерживая дыхание, с омерзением глотает слизистую сладкую гадость. Бедные африканцы, вынуждены лечиться банановым пюре...

– Постой, не глотай, пережевывай хоть немного, так же никакой пользы! – пугается папа.
– Ага, значит, польза от бананового пюре все-таки есть! – ловит его на слове мама.

– Намного лучше было бы приклеить на грудь перцовый пластырь. Ты лечишь ее не тем, неудивительно, что болезнь...

– Это ты лечишь ее не тем, она коркой скоро покроется от всех твоих таблеток! – возмутилась мама. – Нет, бабушкины средства самые надежные!

– Молчать! – в шутку прикрикнула на них Маша, догадавшись, что сейчас спор снова пойдет по кругу. Но, так как горло у нее было еще опухшим, веселого окрика не получилось. Родители вздрогнули от сиплого баса дочки. – Лечите не тем, не так, и не ту, видимо? Я уже не я, может быть? Не Маша Некрасова?

– Ты, там, помалкивай, – сдвинул брови папа. – Мала еще рывкать!

– Надоело слушать, как вы ругаетесь!

– Мы не ругаемся, мы спорим, – неожиданно на сторону папы встала мама. – Спорим, потому что ищем, что для тебя будет лучше.

– А мое мнение почему не спрашиваете? Я думаю, ничего плохого в лекарствах нет, лучше бы, конечно, вообще ничего не принимать...

В ответ мама фыркнула, а папа покачал головой и сказал:

– Как тебя лечить, уж позволь нам с мамой решать, ты еще школу не закончила, ничего в жизни не сделала...

– Но я!.. – Маша закашлялась.

– От тебя пока никто ничего не требует, – мягко вмешалась мама. – Учись, подрастай, у тебя все впереди, только не спорь со взрослыми...

– И не вступай со своим мнением, потому что оно у тебя не слишком компетентное...

– Выходит, я дура, потому что ребенок?! – опешила Маша.

– Я больше не могу, – мама забрала у дочки миску и поднесла ее ко лбу, этим жестом словно жалуясь на мигрень. – Лежит с высокой температурой, я с ума схожу, все прислушиваюсь по ночам, как она тяжело дышит, чуть только отек с горла стал спадать, она начинает права качать!

Мама пересекла быстрыми шагами комнату и вышла за дверь.

– Я просто хотела, чтобы вы не ссорились, то есть не спорили... – растерялась девочка. – Вы все время требуете, чтобы я слушалась, а сами...

– Мы родители, взрослые люди, а ты еще ребенок, – авторитетно заявил папа. – Лежит тут, принцесса, капризничает, повелевает, а мы хороводы вокруг водим, бананы ей в пюре трем, чего еще изволите, ваше высочество?

– Была бы я принцесса, лежала бы во дворце, в роскошной кровати, вся в золоте и брильянтах, а хороводы бы водили слуги, – попыталась пошутить Маша, но папа не был настроен на веселье.

– У меня был трудный день, на моем участке несколько десятков больных мальчиков и девочек, а дома ты всех изводишь своим упрямством! Лишь бы поспорить! Тебя бы на мое место, пожила бы моей жизнью...

Папа тоже вышел за дверь, не пожелав спокойной ночи, через несколько мгновений Маша услышала, как он говорит маме:

– На ночь дашь этой принцессе одну таблетку диазолина, одну парацетамола и одну фарингосепта. Сегодня, возможно, удастся выспаться, раз наша вредина начала бушевать, скоро пойдет на поправку. И никакого сахара, он понижает иммунитет...

Маша села на кровати, обхватив колени руками, на глаза наворачивались слезы обиды, и она принялась смотреть на окно, искристо-голубое от света фонаря, чтобы не расплакаться. Принцесса, вредина, мала еще свое мнение иметь... Просто режут по больному. Это дома она непослушная дочка, а в других мирах... Рукой Маша сжала кристалл – кулон из горного хру-

стала на шнурке, после своего последнего путешествия она не снимала его, потому что поняла – судьба не бросит ее на ту миссию, которую она не смогла бы выполнить. Теперь ей даже было интересно, когда и куда она отправится, с этой целью девочка постоянно держала в карманах своей кожаной куртки с вшитой в нее броней из драконьей стали бутылку воды, запас шоколада с орехами, фотографию родителей, ножницы, спички и шапочку колокольцев с синим фонариком, который всегда указывал верный путь. В какой бы мир она ни попала, куртку можно было вызвать одним щелчком пальцев. Но сейчас даже мысль о том, что она – Сквозняк, путешествующий сквозь миры Великой спирали, не принесла Маше Некрасовой утешения. Да, это, конечно, здорово – знать, что ты способна влиять на события, преобразовать, изменять, спасать другие миры, что в любой момент могут начаться увлекательные приключения, полные опасностей и чудес. Что после них особенно приятно возвращаться домой, решать собственные проблемы, и уже учеба в школе кажется не такой трудной, и с друзьями проще общаться после того, как улаживаешь конфликты в других мирах, и на замечания родителей реагируешь уже не так болезненно, ведь они многого о тебе не знают... Но даже такая интересная жизнь может надоест.

Маша достала из прикроватной тумбочки карманное зеркальце и посмотрела на свое отражение.

– Я устала от самой себя, – пожаловалась она вслух. – Хорошо маме, она может перекрасить волосы, уехать куда-нибудь далеко-далеко... А мне хочется хотя бы раз побыть кем-то другим, в самом деле, как говорит папа, пожить чужой жизнью. Как это интересно! Оказаться кинозвездой, к примеру, сниматься в кино, вживаясь в роль. Или фотомodelью. Или байкером. Нет, это все еще легко себе представить, я бы хотела что-то более необычное, то, чего не может быть. Например, стать героем с мечом в руках из приключенческого романа, скакать на лихом коне, сражаться с чудовищами. Или стать колдуньей, варить снадобья, произносить заклинания. А еще лучше – принцессой в сказочном замке, носить роскошные платья, раскрыть зловеший заговор...

– Видимо, ты и в самом деле выздоравливаешь, – улыбнулась мама, входя в комнату с блюдцем в руках. – Мечтаешь, в зеркало смотришься. Зря, значит, я переживаю?

– Конечно, зря, мамочка, – смущенная Маша спрятала зеркало под одеяло, оно отсылалось прохладой в ее руке. – Я же говорю, не надо меня лечить, сама выздоровею. Скажи, а ты бы хотела быть кем-то другим? Не воспитателем, не мамой, а совсем другим человеком, просто попробовать?

– Шутишь, я только об этом и думаю, особенно когда ты начинаешь выступать или дети в группе не слушаются, – грустно пошутила мама, передавая девочке таблетки. – Вот тебе сюрприз, только тихо, чтобы папа не слышал.

– Следочки! – шепотом возликовала Маша, схватила с блюда плоский коричневый кружочек из жженого сахара. Мама виртуозно делала их по бабушкиным рецептам, добавляя в леденец травяные настои, мятное или анисовое масло, она считала их лучшим народным рецептом от кашля.

– Тише, тише, – улыбнулась мама, нагнулась, поцеловала дочку и пошла к двери выключить свет.

Маша лежала в постели, перекаtywала во рту леденец, теребила в руках зеркальце, изучая его на ощупь, а сама думала, как же сильно ей хочется покинуть надоевшую кровать и попробовать пожить чужой жизнью, а лучше – несколькими. У всех есть свои трудности, она в этом не сомневается, но чужие проблемы решать несложно, ей так казалось по ее опыту Сквозняка. Намного легче бросить все свои силы на распутывание клубка бедствий другого мира, чем помирить родителей или попросить учителя исправить тройку по геометрии...

Мама бродила по комнате, проверяла, плотно ли закрыты окна, почему-то от них сильно дуло. Звякала посудой на тумбочке, поправляла одеяло, все ходила и ходила.

– Пожить другой жизнью... – шепотом начала рассуждать Маша. – Папа сказал – принцесса, какое слово противное, так и представляешь себе что-то цаплеобразное, с длинным носом, жутко капризное, ноющее. Надо придумать другое слово. Например, от слова корона – коронелла, коронесса. Хотя ведь есть король, королева, королевна. Или...

– Венцесса! – подсказала ей мама, стоя в ногах кровати. Маша видела в полумраке только ее стройный силуэт.

– Точно, венцесса, от слова «венец»! – обрадовалась девочка.

– Тебе нужно что-нибудь?

– Пить хочу.

Стакан звякнул о кувшин, что-то булькнуло. Девочка глотнула и сморщилась – вместо сладкого морса мама дала ей обычной холодной воды. Мама подождала, пока Маша напьется, потом забрала стакан и потрогала лоб девочки. Тяжелый рукав с рельефной вышивкой упал ей на лицо, от него пахло пылью и карамелью.

– Лоб холодный, полагаю, до утра тебе ничего не понадобится. Я пойду отдыхать.

– Конечно, – ответила Маша.

Мама, шурша длинным, до пола, халатом, направилась к темнеющему дверному проему. Машу что-то смущало, не то в маме, не то в комнате, но в темноте все всегда выглядит не так, как обычно.

– Да, постарайся не покидать комнату до утра, – обернувшись, посоветовала мама. – Слуги все равно все спят, горшок ты найдешь под кроватью. Утром тебе принесут завтрак, не волнуйся. Спокойной ночи.

– Ага, – растеряннотозвалась девочка. Глаза ее все больше привыкали к темноте. Какой горшок под кроватью? Неужели она до туалета сама дойти не в состоянии? А к чему эти шуточки про слуг, если бы папа сострил, она бы еще поняла, но мама... И вообще откуда у них в доме горшок?

Чувствуя нарастающее беспокойство, Маша сунула зеркало под подушку и скатилась с кровати, едва не упав при этом. Мало того, что кровать показалась ей выше, чем всегда, так еще и пол был ледяной, отчего пальцы ног моментально свела судорога. Маша опустилась на колени, едва не плача от боли, руки ее наткнулись на плоские, волосатые шлепанцы. Растерев ноги, девочка надела шлепанцы и встала, забыв посмотреть на горшок. Ее волосы развевались от ледяного ветра. Но мама ведь только что проверяла, хорошо ли закрыты форточки? Маша повернулась к окну.

Из двух узких высоких окон в лицо ей ветер бросил горсть снежинок. Вместо фонаря и соседнего дома за окном простиралась стена, зубчатая, как в Кремле, а за ней – пустынное белое поле, с чахлыми одинокими елками на нем.

– Мама! – закричала девочка, бросилась к двери, но ее не было. Вход был занавешен плотным ковром, на ощупь угадывалась грубая вышивка. А за ним – длинный каменный коридор, в котором потрескивали факелы на стенах и гулял сквозняк.

Девочка остановилась, прижав руки к сердцу – только что мама была здесь, может, она прошла дальше по коридору, удивляясь и не понимая, как и Маша? Но стоило ей сделать несколько неуверенных шагов, как вдруг раздался страшный звериный рык, похожий на тигриный.

Опрометью девочка бросилась обратно в комнату, ударилась о белеющую в темноте холодную изразцовую печь, запнулась о сундук, нырнула в кровать под одеяло.

– Если там и вправду зверь, а двери нет, одеяло меня не спасет! – вдруг поняла Маша. Зуб на зуб у нее не попадал не то от холода, не то от страха. Она поспешно щелкнула пальцами, приманивая к себе куртку с броней, спросила у привязанной к пуговице шапочки колокольцев, где мама. Синий луч озарил незнакомую комнату, но обвился вокруг Маши, никуда не направляясь. Мамы здесь не было.

Из-за ковра вновь слышался звериный рык и жуткое, душераздирающее мяуканье. Не гадая, что бы это могло быть, девочка спряталась в единственное, как ей показалось, надежное укрытие – сундук. Он наполовину был заполнен какими-то жесткими тряпками, Маша свернулась на них клубочком и захлопнула крышку.

Леденец из жженого сахара, сделанный маминими руками, все еще таял у нее за щекой. Девочка подумала об этом, и слезы обожгли ее глаза, она еле сдерживала рыдания, зажимая рот рукой, чтобы нечаянным звуком не привлечь к себе неведомое чудовище.

«Переместилась, – горько подумала она. – Взяла в руки зеркало и оказалась в другом мире, босая, в одной ночной рубашке, с больным горлом. А мама-то и не знает...»

Глава 2

Задушиху вылечат бульоном

Маша плакала в сундуке, пока не уснула. А разбудили ее женские голоса.

– Нет тут ничего.

– А чего ты ждала?

– Чего-нибудь. Чего-то надо было ждать.

– Глянь на кровать...

Диалог не показался ей странным, потому что девочка подумала, что он ей только снится. Все тело затекло от неудобной позы. Маша попыталась потянуться, но уперлась в деревянные стенки. Открыла глаза – темно.

– А-аа! – от испуга завопила девочка. – Замуровали! Заживо закопали!

Кто-то подхватил крик над ее головой, а через несколько секунд крышка распахнулась, и девочку буквально выдернул из сундука и поднял над своей головой дядька в пузатом железном жилете, по которому Маша тут же гулко забарабанила ногами.

– Пре-крааа-тить! – рявкнул дядька.

Девочка замолчала, с интересом оглядывая того, кто ее держал. У него было совсем не злое лицо. На голове отороченная мехом железная шапка со спицей посередине, к жилету приделаны меховые рукава, остальное Маше было не видно. Рядом стояли две перепуганные женщины в одинаковых полосатых юбках, одна молодая, лет на десять старше Маши, вторая – пожилая. В комнату сквозь узкие окна проникали лучи бледного зимнего солнца, высвечивая желтые подсолнухи, вышитые на тускло-красных коврах, закрывавших каменные стены не хуже обоев, бело-сине-зеленые изразцы печи, инкрустированные перламутром деревянные столбики старинной красивой кровати.

– Успокоилась? – буркнул стражник, ставя Машу на пол. – Неча головой вертеть. С людьми поговори сначала!

– Доброе утро, – упавшим голосом поздоровалась Маша. Она вспомнила вчерашнюю ночь и со страхом оглянулась на ковер, скрывавший выход в коридор.

– Доброе. Чего ты в сундуке сидела? Зачем доспех напялила? – напустились на девочку с вопросами люди. Почему-то никого не интересовало ни как ее зовут, ни что она делает в этой комнате.

– Тут ночью зверь в коридоре рычал какой-то, – дрожащим голосом ответила Маша. – Я испугалась.

– Есть чего бояться, – заржал дядька. – Тетя твоя...

Он осекся, потому что старшая из женщин ткнула его в железный бок, потом продолжил:

– Тетя твоя захворала малость, животом, вот и выла вчера. Чего бояться-то, я, то есть стража, кругом, крепость надежна, ворота заперты, стрельцы в карауле...

– Крепость? – переспросила девочка, вновь оглядывая комнату, окна, вспоминая каменный коридор.

– Ну да, замок ваш, Громова гряда, а вы, дорогая наша венцесса Калиночка, здесь в полной безопасности, – раздельно и чересчур внятно сказала старшая, – иди, дядька Завояка, дров принеси, холодно тут, как в могиле... Тьфу, чего это я, поминаю, дура старая...

– Венцесса? – растерянно повторила Маша.

– Да, да, наша венцесса, Калина, маленькая госпожа сударыня, прихворнули вы, три года лежали без памяти, тетя ваша за вами ухаживала, с чего же это сегодня вскочили, ума не приложу, ну да здоровы и ладно... Тетя велела нам вами заняться...

– Горло болит, – пожаловалась девочка. – И еще голова.

– Горло? – Женщина прижала мясистую ладонь к Машиному лбу. – Горишь вся. На проклятье ледяной кости не похоже. Ну-ка, открой рот!

Не слушая возражений, она произвела осмотр ловко и быстро, пожалуй, сноровистее Машиного папы, педиатра. Потом уперла руки в бока и начала командовать:

– Венцесска, в постель! Авдуська, дуй на кухню, поторопи дядьку Завояку, распорядись насчет куриного бульона и соснового масла...

– Мне придется это съесть? – оторопела девочка.

– Нет, сосновое масло можешь не есть! Авдуська, принесишь две жаровни, чайник, яблочный уксус. У венцесски задушиха приключилась, ничего-ничего, у моих пятнадцати детей у всех была, все выжили, и тебя, маковка, вылечим!

– Конечно, тетка Дарья! – выпалила Авдуська, выбегая из комнаты.

Маша чувствовала слабость после мучительной ночи в сундуке, она не спорила с теткой Дарьей, надела предложенный ей огромный свитер из грубой серой шерсти, носки, такие плотные, что ноги в них были будто в сапогах, легла в перестеленную постель. Служанки принесли две раскаленные жаровни и поставили их с двух сторон кровати, растопили печь, воздух в комнате начал согреваться.

– Барсучий жир, да сосновое масло, да еловые шишки, да бульончик наваристый, из курочки, вот лучшие снадобья! – приговаривала тетка Дарья, суетясь вокруг девочки.

Никем не замеченная, в комнату тихо вошла женщина в строгом платье из серебряной парчи, с молочными капельками кварца и белого халцедона по цветочным узорам. Постояла несколько секунд, глядя на Машу. Девочка случайно повернула голову и, заметив гостью, на всякий случай поздоровалась, с любопытством разглядывая бледное гладкое лицо, неулыбчивые губы, кошачьи глаза, волосы, небрежно заплетенные в косы. Цвет их более всего напоминал мерзлую землю – светлые прядки обледенелого песка, угольные вкрапления чернозема, густая масса цвета спитого чая. Женщина жадно рассматривала Машу, не отвечая на приветствие, и молчала.

– Госпожа сударыня! – ахнула Авдуська, едва не опрокинув жаровню.

– Ваше чистопородие! – воскликнула тетка Дарья. – Как видите, ошибочка вышла, выздоровела венцессочка от проклятья ледяной кости, захворала задушихой, но не извольте беспокоиться, поставим на ноги...

Женщина неопределенно повела плечами, уронила с бледных губ равнодушно-ласковое:

– Выздоровливай, детка.

Потом повернулась и вышла из комнаты, только тяжело колыхнулся ковер над входом.

Маша пролежала весь день в кровати, сходя с ума от скуки и дыма от жаровен, заполнившего комнату. По временам она проваливалась в неглубокий сон, ее будила тетка Дарья, чтобы влить в нее очередную порцию бульона, по поверхности которого плавали крохотные кустики засоленного укропа, темного, ароматного. Авдуська вызвалась ночью дежурить у Машинной кровати, но тетка Дарья возразила, сказала, что запрещено правилами Громовой груды челядинам находиться ночью в господской части замка.

– Ничего, задушиха не задавит, поверь моему опыту, – авторитетно заявила она. – У тебя хорошая глотка, прямо как у госпожи сударыни, тетушки твоей.

– Тетушки? – повторила Маша.

– Ну да, привенихи, госпожи Рыкосы Гривастой, одна она у тебя, сиротки, осталась. Ты не сердись на меня напрасно, а не то... Ну да ладно, спокойной тебе ночи, спи и ничего не бойся, пока нас не завоевали, в крепости нет ничего страшнее госпожи сударыни.

Маше оставили свечу и странные, длинные кривоватые спички с неровными серыми головками, но она не боялась темноты, ведь с ней был волшебный фонарик колокольцев. Она надела куртку с броней поверх свитера, как только служанки ушли. Полежала немного, вглядываясь в ночное небо за незастекленными окнами, потом голова ее стала легкой, тело тяже-

лым, она почувствовала, что засыпает, и приняла покой с благодарностью. Однако ночью ее разбудил магический зов.

Маша села на постели, сердце так сильно колотилось, что она прижала руку к груди. Зов был похож на тот, что говорил ей об окончании ее миссии в другом мире, однако тот был успокаивающим, звал домой, обещал отдых, а этот словно проникал внутрь, носился беспокойным ветром в груди, от чего стыла душа, хотелось бежать куда-то, спасти кого-то...

Но кого? Девочка вскочила с кровати, застегнула куртку, подошла к узкому окну, пытаясь выглянуть – по стене бродил одинокий свет факела, видимо, его держал в руке невидимый в снежной мгле стражник. Зов потряс девочку изнутри в последний раз и затих.

Как же выбраться из замка? Куда идти, где искать того, кто зовет ее столь отчаянно? Нет ли там опасности?

Помедлив, Маша вышла в коридор, в трепещущий свет смоляных факелов. Холод камней чувствовался даже сквозь толстые шерстяные носки, стоять на месте было нельзя. В этот момент раздался вчерашний рев зверя, смертельно озлобленного.

– Служанки и стражник сказали, в крепости нет никого страшнее тети, – напомнила себе Маша. Привениху она не боялась – та выглядела, может быть, слишком бледной и уставшей, но все-таки довольно молодой и симпатичной женщиной. Не колеблясь, Маша пошла по коридору, ориентируясь на жуткие звуки. Коридор все закруглялся и закруглялся, поднимаясь вверх, на стенах попадались вышитые старые ковры, которые скрывали вход в темные безлюдные комнаты. Наконец коридор закончился тяжелой, обитой жестью двустворчатой дверью. Из-за нее пробивался свет. Девочка несколько секунд рассматривала жестяные завитушки на толстых, потемневших не то от времени, не то от копоти факелов досках двери, потом решительно толкнула створку, ожидая увидеть лестницу или новый коридор. И оказалась на пороге зала.

В лицо ей пахнуло холодом от высоких окон, несмотря на две горящие изразцовые печи. Белый, как снег, округлый зал с колоннами, идущими от двери к дальней стене, к возвышению. На нем стоял трон – Маша сразу это поняла, он был простым, деревянным, без украшений и вместе с тем древним и величественным. У его подножья сидела привениха, в груди меховых шкур с торчащими лапами, с мертвыми глазами на мордочках лис, зайцев, волков. Облокотившись на трон, спиной к двери, она запрокидывала голову и выла, как волк, а потом рыдала горько, прерываясь на сдавленный кашель, звучащий, как испуганный кошачий крик.

– Что с вами? Вам плохо? – испугалась Маша и сделала несколько шагов к женщине.

– Стой! – привениха вдруг выпрямила спину, но не повернула головы, напротив, прикрыла ее тигровой шкурой, лежащей на сиденье трона. – Не подходи. Я сейчас, возьму себя в руки. Подожди.

Глава 3

Титул и полсемейства в придачу

Маша с трудом сглотнула, у нее внезапно разболелось горло. Она не решалась ни сесть на одну из обтянутых мехом кривоногих табуреток, расставленных в беспорядке вокруг колонн, ни просто сдвинуться с места.

Привениха сидела возле трона, с накинутой на голову яркой, почти красной тигриной шкурой. Девочка никогда не слышала о красных тиграх, но это было очень красиво, просто глаз не оторвать.

– Присядь, – вдруг голос тетки прозвучал очень мягко. – Возьми стул и сядь ко мне поближе.

Девочка поволокла за ногу одну из табуреток, она погромыхивала по бело-серому полу, но не оставляла на нем следов. Подтащила к подножью трона, села, поджав под себя стынущие ноги. Привениха сняла с головы шкуру и повернулась к своей гостье. Глаза были воспаленными, в остальном же она выглядела в точности так же, как и утром.

– Ты почему не спишь? – тетка улыбнулась чуть дрогнувшими губами. – Смотри-ка, только со смертного одра, и уже, как любопытная лисичка, бегаешь по Громовой гряде.

– Меня разбудил... – Маша замешкалась. – Я имела в виду... Вы плакали? Что-то случилось?

– Уже много лет я оплакиваю твоих родителей, моего брата, веника (Маша фыркнула про себя – ну и титул!) Елисея Гривастого, и его жену, венцессу Калину Горькослезную, тебя, Калинка, назвали в честь матери, ты носишь ее имя, но тебя временно отстранили от титула.

– Почему?

– Из-за долгой болезни, никто не верил, что ты переборешь проклятье ледяной кости, даже наш семейный звездный лекарь уехал в деревню. Ты не должна была свести имя твоего отца в могилу. Поэтому все, что у нас есть сейчас, это мой титул привенихи, и тот под вопросом, ибо какая же я привениха, если у меня нет венцессы. Но после новорожденных Звезд мы с тобой отправимся на Теплый берег, в Замок Морского ветра, там я официально представлю тебя рысарскому собранию, и никто больше не посмеет сомневаться в чистоте нашей породы...

– В чистоте вашего рода, – поправила Маша, но привениха только с удивлением посмотрела на нее. – А для чего вам это нужно?

– Ты что же, не хочешь получить все причитающиеся тебе привилегии, почести и подарки? Не хочешь быть венцессой? Не задавай глупых вопросов, детка.

Привениха села на трон, лицом к Маше, сложила руки на груди. Из серебряного рукава у нее выглядывал бутон синего цветка изящной, ювелирной работы. По каемке платиновых лепестков шла россыпь мелких искристых темно-синих камней. Почему она носит его в рукаве, а не на платье, задалась вопросом Маша. Чтобы не отвлекаться, она посмотрела прямо в глаза привенихе и спросила тихо, но твердо:

– Вы-то знаете, что я не венцесса? Не Калинка и не родственница вам?

Тонкие, длинные, уходящие к вискам брови Рыкосы Гривастой чуть сдвинулись, но она сказала еще более мягко, почти мурлыкая:

– Что ты говоришь, детка? Почему ты – не ты?

– Я вчера впервые оказалась в вашем замке! Вас это ничуть не удивило?

– Детка, ты много лет не встаешь с кровати, любой из челядинов тебе это подтвердит. Все эти годы я ухаживала за тобой, я верила, что придет день, и ты заговоришь, ты встанешь, ты победишь проклятье.

– Это была не я, – упрямо ответила Маша. – Я простая девочка, не венцесса. Позвольте мне завтра утром покинуть замок.

– Детка, в таком случае, каким образом ты оказалась в запертом замке, в кровати венцессы вместо венцессы? – тетка подалась вперед, опираясь руками на подлокотники трона. Синий цветок наполовину выскользнул у нее из рукава – и Маша увидела гладкое и очень опасное лезвие...

– Я не знаю, – Маша снова сглотнула с трудом, горло болело все сильнее. Ее глаза все время возвращались к страшному цветку в рукаве тети.

– Я допускаю, что во время болезни память отказала тебе...

– Нет, я точно знаю, кто я, и я не венцесса, – в отчаянии воскликнула девочка, вскакивая с табурета. В одном из миров она почти поверила в то, что она его коренная жительница, а не Маша Некрасова, это чуть было не кончилось плачевно, поэтому девочка решила, что никогда больше не будет сомневаться в том, кто она есть на самом деле.

Тетя тоже встала, перехватила выпадающий из рукава цветок, подошла к девочке, порывисто обняла ее, провела рукой по лицу, словно лаская. Маша узнала и прикосновение жесткой ткани, и запах пыли с карамелью. Вчера в комнате была не мама, а привениха... Она была свидетелем появления Маши в этом мире.

Почему привениха не испугалась, увидев девочку на пустой до этого кровати?

– Послушай меня, детка, кем бы ты себя ни считала, твоя судьба – быть венцессой в замке Громовая гряда. И это твой единственный шанс выжить. И я, и слуги, и рысари – мы все в отчаянии, крепости и семье угрожает большая опасность, и только ты, твой титул, твое имя и послушание способны восстановить справедливость на Горе Ледяной угрозы.

– Но я не... – снова заикнулась было Маша.

– Ты та, кем назовешься, – быстро перебила ее тетка. – Лучше для тебя назваться венцессой. Завтра я тебе принесу летопись нашей породы, ведущей свое происхождение от самого Гривухи! Надеюсь, ты умеешь читать. И если в течение нескольких дней ты не вспомнишь, что ты венцесса Калина Горькослезная...

– Вы мне угрожаете?

– Детка, я вынуждала тебя, я тебя люблю как мать, – Рыкоса улыбнулась. – Но от твоего послушания все зависит. Может погибнуть много народу... И я в том числе.

Девочка опустила голову.

– Подумай, как же здорово быть венцессой! Жить в замке, спать в роскошной кровати, носить красивые платья, драгоценности, быть под защитой рысарей. Когда твое здоровье поправится, я дам тебе блестящее рысарское воспитание – умение сражаться на клинках, ездить верхом, стрелять из лука. Мы поедем с тобой на Теплый берег, к морю, к прекрасной и беззаботной жизни, к пирам и развлечениям, ты станешь богатой и свободной, а когда ты подрастешь, самые чистопородные рысари и веники будут рвать друг другу глотки ради твоего благосклонного внимания.

– Быть венцессой, – мечтательно повторила Маша, перед ее глазами встали замки, пышные празднества, платья и лошади. Как это отвечало ее недавним мечтам пожить другой жизнью, не похожей на ее. А как же долг, цель Сквозняка, возвращение домой, напомнил ей внутренний голос, но девочка отмахнулась от него. Когда она докажет свой титул, ей не придется изучать этот мир, бегая голодной по снегу, у нее будет куча возможностей, приключения с богатством и комфортом, в безопасности, все, о чем только может мечтать Сквозняк в другом мире.

– Да, да, – прошептала ласково привениха, увидев в загоревшихся глазах Маши то, что хотела. – Решайся.

– Я подумаю, – осторожно ответила девочка.

Привениха гордо выпрямилась:

– Я научу тебя быть настоящей, чистопородной венцессой. Сперва ты получишь летопись, изучишь ее, а я проверю твои знания. Но первый урок состоится прямо сейчас. Пойдем.

Она направилась к выходу, Маша поспешила за ней. Они быстро прошли по гулким коридорам, полным сквозняков и запаха горячей смолы. Привениха свернула в комнату венцессы, зажгла свечу на прикроватной тумбочке, инкрустированной, как и столбцы кровати, перламутром.

– Прежде всего, что бы ни случилось, соответствуй своему титулу, гордись своей породой, – резко сказала женщина, поправляя скомканную постель, опуская полог, который нерадивые служанки так и оставили свернутым, не заботясь о простуженной девочке, мерзнувшей из-за незастекленных окон. – Не смей казаться жалкой и слабой. Завтра ты, а не я, выразишь свое недовольство служанками, и сделаешь это твердо и жестко, а сейчас приведи себя в порядок.

Руки Маши невольно дернулись к спутанным волосам, в последний раз она расчесывалась еще дома. Привениха кивнула с одобрением, потом прикоснулась к Машиной куртке.

– Это моя броня, – поспешно ответила девочка. – Мне бы не хотелось снимать ее.

– Ну так носи ее с честью, а не так, словно каждую секунду опасаясь за свою жизнь! – ответила тетя. – Будь любезна соответствовать своему предку, Гривухе! Честь и сила, кровь и гордость!

Она удалилась, держа спину так прямо, словно ее кто-то тянул вверх за волосы.

«Чем тут гордиться», – проворчала про себя Маша, оглядывая при свете свечи свою холодную сырую комнату. Знать бы еще, кто такой Гривуха, наверное, рыцарь без страха и упрека, или как их тут называют...

Глава 4

Рыцари другого мира

Утром девочка проснулась от того, что Авдуська, с силой дернув за ткань полога, обрвала витой шнурок, который держал ее, бусинки посыпались на лицо и руки спящей, словно град.

– Ничо, ничо, – ободрила ее тетка Дарья, – делать тебе, видать, нечего, хочется с иголкой под потолком скакать. В духе мага Недодела твое проворство.

Не успела Маша встать, чтобы помочь Авдуське собрать все бусинки, как тетка Дарья сунула ей под нос чугунок с вареной картошкой.

– Это завтрак? – пробормотала девочка, разглядывая исходящие паром сероватые картофелины.

– Дыши! – приказала Дарья. – Гони задушиху. Живот потом набивать будешь.

Маша послушно задышала открытым ртом. Тетка Дарья кивала, довольная собой, глядя на ее старания. Нельзя сказать, чтобы своеобразная ингаляция была неприятной, но Машу очень интересовало, что бы сказал папа о подобном лечении. Тем временем Авдуська затопила печь, раздвинула полог, разожгла жаровни, подмела золу с ковра. В общем, все были заняты, когда в комнату вошла госпожа Гривастая.

– Я очень рада, что тебе лучше, – сказала она бесцветным голосом, на ее лице не отразилось никаких эмоций. – Я принесла тебе книгу. Прочитай вслух, пожалуйста, начало первой главы.

При виде госпожи тетка Дарья так поспешно отдернула чугунок, что рассыпала несколько горячих картофелин, Авдуська же моментально испарилась из комнаты. Тетя Рыкоса, небрежно впечатав в ковер мягкие клубни своими каблуками, подошла к кровати и положила Маше на колени большую книгу.

Прежде чем открыть ее, девочка потрогала шероховатый темно-зеленый переплет, обвела пальцем овальную миниатюру посередине. На миниатюре был изображен загадочный зверь – мощные кошачьи лапы, широкая белая грудь, уши с кисточками, гордый поворот рысей головы с развевающейся по ветру гривой, которая напоминала бы львиную, если бы не была такой же пятнистой, как и шкура зверя, имевшая все оттенки коричневого: золотистые, бронзовые, песочные, с небрежными, словно случайные мазки, черными полосами и кляксами. Зверюга оскалился в рыке...

– Саблезубая рысь? С гривой? – удивилась Маша. Она увлекалась биологией с четвертого класса, но такого зверя не знала.

– Наш предок, Гривуха, – с достоинством ответила тетя. – Читай же!

Девочка перевернула несколько страниц – тяжелых, шершавых, цвета кофе с молоком, – и присмотрелась к буквам. Еще со времен Как-о-Дума, с Академии Сквозного Пути она знала, что только юным странникам – Сквознякам – под силу привыкнуть к новому, чем бы оно ни было – воздуху, пище, языку, алфавиту. Надо только дать себе время настроиться.

– Читай! – повысила голос тетя.

Сначала буквы и язык казались незнакомыми, потом Маша почувствовала легкое жжение в глазах, страницу заволочло туманом, и сквозь него стали проступать сначала отдельные буквы, потом они начали складываться в слова.

– «Р-ы-с-а-р-и, – заторопилась девочка. Первые слова дались с трудом, дальше она читала уже свободно. – Устаревшее рыкари, в южных областях – рыцари. Грозные дети могучего Гривухи, милостивы будьте к людям и рысям, своим слабым и неразумным братьям по крови...» Это что значит, рыцари не люди?

– Рысари – это рысари, – ответила тетя. – Читай еще!

Тетка Дарья поспешно собрала с пола раздавленный картофель в подол и заторопилась выйти. Голодная Маша с сожалением проводила ее взглядом, потом вновь опустила глаза в книгу. Похоже, с приходом тетки завтрак сам собой отменился.

– «Путь рожденных Гривухой. Мы охотимся, мы сражаемся, мы горды, сильны, отважны. Мы милостивы к тем, кто ниже нас. Наши стальные клыки, зубы и когти сильны, наши клинки...»

– Хорошо, – прервала ее Рыкоса. – Я вижу, читать ты умеешь, помощь звездного лекаря тебе не потребуется. Часовня стоит закрытая, со времени смерти моего бедного брата некому в ней просить Звезды на Горе о милости. Пусть лекарь не ест наш хлеб зря, у нас его не так много. Учись, дитя мое, вспомни, кто ты есть, какой ты породы. Я навещу тебя через пару дней, и лучше бы тебе не разочаровать меня.

Она вышла из комнаты, оставив Машу с книгой в руках. Лишь через полчаса после ее ухода служанки осмелились вернуться. Они поспешно навели порядок, смахнули пыль с тумбочек и столиков, под их умелыми руками засверкали изразцовые плитки. Маше подали, как и вчера, большую чашку бульона с укропом, к нему грубый черный хлеб, вкусный, с крупной желтой солью на корке, сваренное вкрутую куриное яйцо и одно моченое яблочко, рыхлое, кисло-сладкое, с толстой кожицей. Она быстро все умяла, поглядывая в книгу. Против ожидания, история рыцарского рода Гривухи увлекла ее, правда, было слишком много имен. Краем уха она прислушивалась к разговору служанок.

– Что-то госпожа сударыня затевает, книгу заставила читать сиротку, мучительница, – буркнула Авдуська.

– Работай знай, нам еще сундук с нарядами пересмотреть да проветрить, – отрезала тетка Дарья.

– Это еще зачем?

– Задушиха у венцессы пройдет, начнет выходить в платьях, чистопородное блестящее воспитание получит.

– Да неужели?

– Видишь сама, щечки розовые, глазки блестящие, волосики густые, красоточка, вон историю чистопородных господ сударей читает. Я еще вчера говорила – кровь-то, она сказывается. Новая госпожа сударыня вырастет в замке Громовая груда.

– Еще одна?

– Помалкивай знай. Повезло девчонке, так не лезь...

Маша вздрогнула, но глаз не подняла. Что значит – еще одна? Почему «повезло»? На этот счет у нее была смутная догадка, что она не первая венцесса Калина в этой комнате, но что это значило и почему ее все принимают за венцессу, она не понимала. Может, у них тут так принято? Может, сюда специально приводят девочек на роль венцессы, раз она понравилась госпоже Гривастой, то ей предстоит жить в замке, носить парчовые платья, поэтому служанки считают, что ей повезло? Если так, то тем более ей лучше побольше узнать о рыцарях. И при этом не стоит думать, куда делась настоящая венцесса, о которой говорила тетя Рыкоса. Может, ее вообще не было?

Света от узких окон было немного, за день Маша сожгла четыре свечи. Она читала так долго, что у нее заболела голова, но тетка Дарья, хоть и ворчала, не осмелилась отобрать у нее книгу. Она подсунула под руку девочке миску с сушеной черникой, кислой, дымной на вкус, но приятной, вроде семечек, и, несомненно, полезной для глаз. Когда глаза начали слипаться, девочка заснула, а пробудившись, вновь принялась за чтение. Книга, которую принесла привениха, оказалась интересной, словно рыцарский роман, и полезной, так как из нее девочка все больше узнавала о мире, в котором очутилась.

Он был совершенно не таким, каким она себе его вообразила, узнав от служанок и привенихи о рысарях и замках. Прежде всего, рысари оказались совсем не рыцарями в привычном понимании. Здесь не было турниров, прекрасных дам и королевского двора. Горстка людей, закованных в железо, обитое мехом, называла себя чистопородными, потому что в их жилах текла кровь легендарного зверя Гривухи. Были и другие чудовища – мохнатая однонога, живущая в Долине Медленной смерти, зубохват, похожий на тигра с добродушной улыбкой, обнажающей сто зубов в два ряда, тем более опасный, что он умел становиться невидимым, умшастый ежик – размером с собаку, строящий дома и знающий толк во врачевании. Почему-то от них не произошло ни одного рысарского рода. Бывало, рысарями становились не по роду, а по деньгам и по силе. Но чистопородные рысари – такие, к каким относилась привениха Рыкоса Гривастая, имели право на три беспрекословных приказаний на одно поколение. Что это значило, Маша не поняла.

А в остальном рысарский быт был скучным и кровавым. Они постоянно сражались между собой, захватывая и теряя замки, кольцом обвивающие подножье Горы Ледяной угрозы, хорошо еще, что деревни, кормившие их, относились каждая строго к своему замку, а не рысарю. Сменил один железобокий другого – селянам все равно, они исправно приносили продукты, лишь бы их дома не трогали. Откажись деревня отдавать часть урожая в ближний замок – конный отряд потопчет нивы, пожжет дома. Так что все жили спокойно – рысари сражались исключительно между собой, крестьяне работали.

В общем, с рысарями все просто и понятно. С устройством мира – тем более. Маша зачитывалась биографиями великих венцесс и веников, предков Калины Горькослезной-младшей. Страницы в книге различались – одни были жухлыми, желтыми, другие более новыми, одни были бумажными, другие пергаментными. Упоминание о проклятии ледяной кости началось с прадедушки венцессы Калины.

– «Горе, горе тебе, рысарский род, слава зверя и крови, огненное сердце вулкана охладело к тебе, извергает он тьму и холод на погибель чистопородным рысарям...» – шепотом прочитала Маша и отвела взгляд от книги к окнам, за которыми синело ночное небо. Теперь она знала, что замок стоит на склоне той самой Горы Ледяной угрозы, повинной в появлении проклятия ледяной кости, от которого стынет в жилах кровь человека, тело становится твердым и хрупким. Кто-то застывает сразу насмерть, превращаясь в ледяную статую, а кто-то годами страдает от ужасного холода, чувствуя, как сначала отказывают ноги и руки, затем перестают слушаться губы, и только глаза еще движутся на заледеневшем лице, туго обтянутом сухой бледной кожей...

Читать дальше про болезнь не хотелось. Маша закрыла книгу и погасила свечу. Она думала о новом мире, где она очутилась, и о том, какой может быть ее миссия. Должна ли она справиться с проклятием ледяной кости? Или найти того, от кого исходил магический зов? Или узнать о судьбе настоящей венцессы Калины? Или помочь тете добиться титула? А может быть, все сразу?

Служанки, явившиеся поутру, с подсушенными дровами и чашкой теплого бульона, так и нашли Машу – бледную, с кругами под глазами, съевшуюся среди скомканных простынь и одеяла.

– Ты что, детка? – испуганно спросила тетка Дарья и потрогала лоб у девочки. Маша медленно поднесла руку к лицу – лоб был влажный, но холодный. Горло не болело. Слегка покалывало в левом виске, но на такую мелочь не стоило обращать внимания. Маша чувствовала, что она потеряла слишком много времени, валяясь в постели и лечась от таинственной задушихи. Пришла пора действовать.

– Позовите тетю, Рыкосу Гривастую, – слабым от недосыпа голосом произнесла девочка.

– Может, поешь сначала? – предложила Авдуська.

Маша выпрямилась на кровати, откинула с лица спутанные волосы и строго посмотрела на девушку, изо всех сил стараясь вести себя именно так, как, по ее мнению, вела бы себя на ее месте подлинная венцесса Калина.

– Немедленно подите к тете и передайте ей, что я, венцесса Калина Горькослезная, полностью пришла в себя и желаю говорить с ней! – твердо сказала девочка.

– Звезды на Горе, – протянула озадаченно тетка Дарья, не отводя испытующего взгляда от Маши. – Давай, Авдуська, делай, что велено. Ох, чую я, грядут дела поважнее новорожденных Звезд...

Глава 5

Игра по правилам

В тот памятный день Рыкоса не пожелала с утра увидеть свою племянницу. Вместо этого она отдала несколько распоряжений слугам. В замке захлопали двери, загудели печные трубы, поднялась столбом пыль из сундуков и с ковров, которыми были обтянуты для тепла каменные стены. По всему замку, по переходам и галереям, на стенах, смотровых башнях и глубоко в погребах, подземельях и бараках простых, нечистопородных рысарей передавали люди друг другу весть: «Очнулась венцесса Калина от проклятия ледяной кости!»

Машу же для начала обули в смешные плетеные лапти с подшитыми внутрь грубыми овечьими носками и повели в парилку.

Впереди гордо шагала тетка Дарья с глиняным кувшином на подносе. За ней – Маша и Авдуська со стопкой неровных серых простынь. Замыкал шествие дядька Завояка с сундуком чуть поменьше, чем тот, что стоял у подножья венцессинной кровати. Они прошли по коридорам, по деревянным лестницам, вышли в широкую кухню, заставленную коробами и бочонками, словно кладовая, и только оттуда спустились на широкий двор замка. Посмотреть на то, как ведут чудом выздоровевшую венцессу в баню, собрались все, от рысарей до челяди. Их оказалось не так уж много – человек десять слуг и двадцать воинов.

– Мм, какая лепота! Парилка, с пихтовым маслицем, с березовыми листочками, не венцесса, лебедь белая выплывет, – завистливо вздохнула маленькая, как девочка, и кругленькая, как мячик, кухарка. Маша от смущения опустила голову – она предполагала, что с мытьем в мире вечно воюющих рысарей будут проблемы, но чтобы из этого устраивали такое событие?

Однако, увидев парилку, девочка наотрез отказалась войти туда. Со стороны пекарни к стене прикреплалась башенка с несколькими окошечками, под ней, прямо во дворе замка, развели костер. Пока горел огонь, из окон башенки вырывались клубы пара.

– Это кастрюля настоящая, а не парилка! – запротестовала Маша.

– Не хочешь – не надо, дело венцесское! – флегматично протянул дядька Завояка и, к Машинуму ужасу, начал усердно чесать свою голову. Он так увлекся, что едва не столкнул Машин сундук в костер.

– Давай, – подтолкнула ее тетка Дарья. – Или в венцессы, в чистоте жить, или в чернолюдые, блох кормить. Цельную книжку прочитала, а париться боится, что за дитя!

Пришлось покориться – пример дядьки Завояки был более чем убедителен. Неожиданно в парилке Маше понравилось, изнутри башня была деревянная, теплая, ароматная, словно буханка только что выпеченного черного хлеба. Правда, такая же тесная и темная. Сначала казалось душно и жарко, потом девочка привыкла, позволила Авдуське натереть ее пихтовым маслом, расчесать длинные спутанные волосы.

Затем служанки разворошили сундук и стали подгонять для нее чьи-то древние наряды, тяжелые, расшитые золотом, серебром и камнями. Пока служанки приводили одежду в порядок, разнежившаяся Маша начала было дремать в теплой, ароматной духоте, как вдруг новый зов словно подбросил ее.

– Что это? – беспокойно спросила она. – Кто это?

Рвущую ее изнутри пустоту невозможно было терпеть. Девочка отпихнула в сторону тетку Дарью, натянула на влажное тело шерстяной длинный свитер, взяла в руки куртку, увернувшись от испуганной Авдуськи, сунула ноги в плетеные лапти, замотала наспех волосы льняной простыней и выскочила во двор замка. У костра под парилкой хлопотал высокий чумазый дядька с неровно обкромсанной бородой, на его кирпично-красном лице светились казавшиеся почти белыми глаза.

– Ты куда, твое чистопородие, – рявкнул он и ухватил за болтающийся край льняной простыни.

Маша мотнула головой, ее мокрые волосы рассыпались по плечам и тут же застыли, на голову словно опустили ледяную шапку, противно занял затылок. Девочка прижала горячие ладони к мерзнувшим ушам и поспешила в сторону, откуда ей мерещился зов. Она обогнула кухню, глянула вдоль стены замка, по галерее которой прохаживался стрелец в меховой шубе, с арбалетом в руках, затем поспешила в сторону широкого, приземистого здания без окон, с одной сиротливо торчащей трубой на крыше. Около него зов достиг своего пика, едва сердце не лопнуло, но у самого входа ее перехватили чьи-то сильные руки, обернувшись, она увидела незнакомого рыцаря в необычных доспехах. Поверх куртки и штанов из толстой, дубленой кожи на рыцаре был пузатый железный жилет, руки покрывала кольчуга, металлические круглый плоский шлем с козырьком, налокотники и наколенники придавали воину сходство с любителем покататься на роликах. На плечах лежала полоса богатого меха, плотно курчавящегося, но более жесткого на вид, чем каракуль. Под коленями, на косо обрезанных валенках и на рукавицах виднелся такой же мех. Покуда Маша рассматривала необычное облачение, ее догнала Авдуська и с размаху надела ей на голову капюшон нежного беличьего плаща. Рыцарь отпустил девочку, она немедленно сунула руки в широченные рукава и едва не застонала от ощущения тепла.

– С ума сошла, только от задушихи избавились, оглушиху подхватить хочешь! – напустилась на девочку служанка. – Чего тебе так срочно понадобилось в бараке?

– Я что-то услышала, – оправдывалась Маша. Но она вовремя прикусила язык, сообразив, что не стоит говорить о магии и зове незнакомым людям, которые еще неизвестно, как к этому отнесутся.

– Что ты могла здесь услышать? – рыцарь быстро глянул из-под козырька на застывшие фигуры стрельцов на стенах и сторожевых башнях.

– Я не уверена, – ответила Маша. Она попыталась прислушаться к своим ощущениям, чтобы проверить, нет ли поблизости магии, но ей здорово мешали холод и намокшая одежда. – Пустите меня в барак, я пойму...

– Ты еще, видимо, нездорова, – поспешила успокоить ее Авдуська. – Зачем венцессе в барак? К тому же читала всю ночь. Померещилось. Пойдем в замок, пока не простыла, после баньки-то... Да и с тетей пора увидеться...

Перед тем, как пойти к тете, девочке пришлось выдержать два часа примерок и причесываний. Вся одежда из сундука была либо мала, либо велика, хорошо сидело только тяжелое платье, расшитое тусклым золотом с чуть заметным красноватым отливом, отделанное красной яшмой, зеленым малахитом и нашитыми, наподобие чешуи, перламутровыми пуговицами.

– Вот же красота, ай, богато да ляписто, – завистливо вздыхали служанки. Маше платье откровенно не нравилось. Она поцарапалась об острые края негнущихся рукавов, жесткий воротник моментально натер шею, само платье было тяжелее даже, чем бывал ее портфель в разгар школьной четверти. Зато оно помогало держать осанку и скрывало смешные плетеные лапти. Кроме того, более ничего надеть было нельзя, когда еще умелые руки Авдуськи подгонят старинные платья, явно передающиеся по наследству много лет, под Машин размер?

Девочке заплели волосы, уложили вокруг головы, на манер короны, хотя до затылка Машиной косички, честно говоря, не хватило, закололи прическу шпильками с головками из красной яшмы, на шею надели бусы из разноцветных нешлифованных камней. Девочка их все вертела, пытаясь угадать самоцветы, но узнала только яшму, малахит, кварц да необработанный янтарь, знакомый ей по любимому ожерелью бабушки, которое та отчего-то считала оздоровительным.

– Поесть мне дадут сегодня? – спросила уставшая от превращений в венцессу девочка, упрямо натягивая на стоящее колом платье свою кожаную куртку, с рукавов посыпались камешки.

– Ты приглашена на обед к их чистопородию госпоже сударыне, Рыкосе Гривастой, – торжественно объявила ей тетка Дарья.

«Час от часу не легче! Наверняка жуткий этикет с двумя десятками вилок, как в кино. Сейчас меня заставят их выучить, в дополнение к геральдике и родословной», – от волнения у Маши даже зачесалась спина, но в плохо гнущихся платье и броне было невозможно дотянуться до лопаток.

Авдуску оставили в комнате разбирать одежду, тетка Дарья и дядька Завояка провели Машу по уже знакомым закругляющимся коридорам к двери в тронный зал.

Девочка вошла в зал, оставив за спиной своих провожатых. Здесь было так же холодно, как несколько дней назад, ночью. Только тетя Рыся сидела не на шкурах у подножья трона, а за массивным деревянным столом у стены. Его окружали меховые табуретки.

– Присаживайся, детка, – тихо сказала тетя Рыся.

Тотчас же появился сутулый вислоусый старик. Он торопливо принялся накрывать на стол. Маша в смущении присела, она старалась не смотреть, как бегают с горшками и подносами немолодой, усталый человек, и ей было неловко под пристальным взглядом кошачьих глаз госпожи сударыни.

«Не выйдет из меня венцессы», – невесело подумала девочка.

Наконец на столе появились два котелка, исходящих паром, в одном была нечищенная, порезанная ломтиками вареная свекла, в другом – серая каша; миски с солеными огурцами, с солеными шляпками каких-то грибов, сверху оранжевых, как морковь, снизу зеленых, как тина, уже знакомый Маше колючий хлеб, копченые ребрышки и жареная курица. Старый слуга уgomонился, присел в уголке, взял в руки шестигранную коробочку размером с большое яблоко и принялся крутить ручку, послышалась скрипучая нудная мелодия.

– Чистопородные рысари обедают с музыкой, – строго сказала тетя, глядя на то, как скриivilась девочка.

Маша твердо решила ничего не есть, пока не узнает, как именно положено вести себя за столом, но госпожа сударыня не обращала никакого внимания на ее манеры, не поучала, вообще ничего не говорила. Она взяла в руки копченые ребрышки, разодрала их на отдельные косточки, принялась глотать с видимым удовольствием, изредка отправляя в рот кусочки свеклы и огурцов. Осмелев, Маша оторвала куриное крылышко – со вчерашнего вечера у нее во рту не было ничего, кроме сушеной черники. Хотя застольный этикет тети Рыси ее немного озадачил. За все время тетя более не сказала ни слова, только с жадностью поедала мясо, обгладывала косточки. Заканчивая обед, тетя Рыся пригубила горячий и пенистый напиток, пахнувший медом и травами, сбитень, которому Маша предпочла козье молоко, и сказала:

– Ну что же, я вижу, у тебя проснулся аппетит, ты выглядишь гораздо лучше, чем месяц назад.

– Месяц назад меня здесь не было, – осмелилась напомнить девочка.

– Конечно, – не моргнув глазом, ответила тетя Рыся. – Ты была на краю гибели. Впрочем, ты и сейчас в опасности, если только не будешь слушать тетю, которая желает тебе лишь добра.

– Простите, тетя, я забыла, – Маша виновато оглянулась на старика. – Я прочитала вашу книгу...

– Ты выглядишь совсем как прежде, – продолжала женщина, внимательно глядя на девочку своими кошачьими глазами. – Глазки ясные, личико разрумянилось, вылитая покойная мама. Полагаю, ближе к весне мы вполне осилим дорогу до Теплого берега, чтобы представить тебя официально и вернуть венец, а с ним и право на беспрекословный приказ. В твоих интересах играть по правилам и во всем слушаться меня.

– Для чего вам венец? – у Маши ломило зубы от скрипучей музыки, старый слуга очень старался, несмотря на то что хозяйки давно закончили трапезу.

– В современных рысарях все меньше от благородного Гривухи, все больше волчьей дикости, – начала тетя так мягко, словно рассказывала удивительную сказку, – деревни живут своей жизнью, рысари же все время проводят в войнах, уничтожая друг друга. Несмотря на прекрасное рысарское воспитание, которого, кстати, у тебя нет по причине слабого здоровья, как например, метание кинжалов, бой на ножах и железяках, верховая езда – я не могу, естественно, соперничать с мужчинами в ведении войн, в открытом бою. Боюсь, что только твоя и моя родословная пока удерживает в моей власти Громовую грудку, крепость наших предков. У тебя в кольце замков Горы Ледяной угрозы самый влиятельный титул. Я намерена представить тебя чистопородным рысарем, чтобы они отказались от посягательств на Громовую грудку. А до тех пор мы в опасности. К примеру, как раз накануне твоего выздоровления мне прислал угрожающее письмо рысарь Зазубрина. Он собирается напасть на замок.

«Напасть на замок», – повторила про себя девочка, ее сердце забилося часто-часто.

– Может, нам пора удирать?

– Я полагаю, весть о твоём выздоровлении остановит его. В крайнем случае, нас защитят верные воины, рысари и стрельцы. Скоро праздник новорожденных Звезд, после него путешествия запрещены, поэтому мы не можем тронуться в путь сейчас.

Удостоверившись, что девочка послушна и готова играть по правилам, привениха, очевидно, успокоилась и расслабилась. Она снова заняла свое любимое место у подножья трона, закутавшись в звериные шкуры, словно в одеяла, и принялась расспрашивать девочку по летописи. Маша немного путалась, но отвечала на вопросы верно, удивляясь про себя, насколько легче запоминать новый материал, когда от этого зависит твоя жизнь, не то что учить химию в школе, если страшнее двойки ничего не грозит...

Глава 6

Старые вещи для новой венцессы

В тот же вечер у Маши началась совсем другая жизнь. Жизнь, о которой она мечтала. Из тронного зала она вышла гордо и прямо, совсем как ее новая родственница, изящно приподнимая пальцами подол своего платья. Первое, что она сделала – обошла замок, заглянула во все комнаты, поднялась на занесенные снегом верхние площадки четырехугольных башен, исследовала кухню, сунулась даже в подземелье, но испугалась крыс и вернулась в свою комнату. Здесь уютно потрескивали дрова в печке, на сундуке ждал ужин – пирог со свеклой и кружка молока. Теплый свет свечи дробился на золотом шитье подсолнухов – из летописи девочка уже знала, что красно-золотые подсолнухи всегда украшают комнату богатой и знатной незамужней девушки, а вот личные геральдические цвета Калины Горькослезной – зеленый, белый, бледно-желтый. Именно в таких красках была оформлена ее комната.

– Мне кажется, я уже почти как дома, – легкомысленно решила Маша.

Девочка долго развлекалась тем, что принимала перед зеркалом красивые позы и приговаривала:

– Госпожа сударыня венцесса Калина.

Только уже засыпая, девочка вспомнила про то, что так и не нашла источник магического зова, но успокоила свою совесть тем, что ее не пустили в барак.

Путру она еле дождалась прихода Авдуськи, которая помогла ей одеться, заплести косу и уложить ее короной. Ей не терпелось выйти на улицу, осмотреть замок снаружи. Наспех проглотив неизменную чашку бульона с черным хлебом, Маша надела на парчовое платье свою куртку, накинула сверху беличий плащ и поспешила во двор крепости.

Маша сегодня вышла из замка не через кухню, как в прошлый раз, она чинно, как настоящая госпожа сударыня, прошла по закругляющемуся коридору прямо к входной двери, маленькой и неприметной, куда меньше двери, ведущей в тронный зал, и теперь только луч колокольца мог ей подсказать, как лучше пройти к рысарскому барaku.

У барака ей вновь повстречался вчерашний рысарь.

– Ты что тут рыщешь? – спросил он недобро.

– Как вас зовут?

– Старшой, – неприветливо ответил он.

– А я венцесса, скажите мне, почему меня не пускают в барак?

– Здесь воины отдыхают между битвами, девочка, – Старшой явно не желал называть Машу согласно титулу. – Иди, иди отсюда.

– Я посмотрю и уйду, – не отступала девочка.

Старшой быстро оглянулся, а потом сказал:

– Дело в том, что у нас тут обледенелый больной. Проклятье ледяной кости. А ты, насколько я помню, тоже болела? Значит, вам опасно встречаться, и его угробишь, и сама... Снова сляжешь куклой. Иди отсюда, любопытная такая, пока тетка не заперла тебя в башне.

Обидевшись, Маша пошла прочь, не оглядываясь, ее руки сами собой сжимались в кулаки. В привыкшей к роли венцессы голове уже крутились гневные мысли: «Какой-то вояка, как он смеет так со мной разговаривать!» Она бы пошла прямо к Рыкосу Гривастой, если бы ее вновь не остановили – уже знакомый бородатый дядька с кирпично-красным лицом и бледно-голубыми глазами. Как бы случайно он сыпанул лопату с углем на подол девочки и тут же принялся ругаться:

– Да что ж ты, твое чистопородие, шастаешь, вот бабам больше работы нет – тебя обстирывать, сидела бы в замке, лечилась бы, нет, потянула ее нелегкая...

Новый поток ругани девочка не выдержала, из глаз ее брызнули слезы обиды.

– Ну ты что, глаза на мокром месте, – вдруг перепугался мужик. – Ну-ка, завязывай. Иди, сядь сюда, да в кузню не суйся, там еще чернее! Тут сядь, на воздухе. Чего ты, маленькая...

– Вы кто? – хлюпая носом, осведомилась Маша.

– Кузнец я здешний, дядька Степан. Да ты не бойся меня, у меня в Рябиновке дочка, совсем как ты, младшенькая...

– Я не боюсь, я просто расстроена, – объяснила Маша. – Мне хочется посмотреть барак, а Старшой меня не пускает.

– И правильно не пускает, – кузнец вернулся к своей работе – кузница его была тут же, под навесом, – что делать девочке в бараке рысарей. Я бы своей задал прутком по мягкому месту.

– Но мне очень надо, дядечка Степан, а вы не могли бы мне доспех рысарский смастерить? – взмолилась девочка.

– Для чего это? – кузнец посмотрел на нее искоса.

– Я бы рысарем оделась, в барак бы забралась...

– Зачем? – он замер с большим молотом в руках.

– Предчувствие у меня, – покривила душой Маша. – Есть там кто-то, кто страдает от проклятья ледяной кости, а вот я выздоровела, может, я ему чем помочь смогу...

– Кто это выздоровел от проклятья ледяной кости? – раздался визгливый голос. Из каморки рядом с кузницей выглянул абсолютно лысый человек в длинной шубе из плохо сшитых шкур. Маша задумалась, сколько же ему лет – на первый взгляд он выглядел молодо, но потом прищурился и сразу состарился, словно по волшебству...

– Ну так кто этот несчастный?

– Ты, детка, не пугайся только, это старьевщик, мой старый друг, собирает барахлишко по рысарским крепостям, он завтра уедет... – пробормотал кузнец и отвернулся к наковальне, Маша услышала, как он проворчал себе под нос: «Дернуло же дурака старого вылезти»...

– Это я выздоровела, – упавшим голосом ответила девочка.

– Ты? – старьевщик смерил ее взглядом и нахлобучил на блестящую голову шапку-ушанку, уши которой торчали в разные стороны. – А ты кто такая?

– Я венцесса, – гордо улыбнулась Маша.

– Какая еще венцесса?

– Венцесса Калина Горькослезная!

– Ой уж, – усомнился гость. – Степан, что тут у вас делается, а? Каждая оборванка уже венцессой считается.

– Вы что! – возмутилась девочка. – Почему оборванка? Разве в таких платьях оборванки ходят?

– Нарядом кичишься, – обрадовался гость. – Нехорошо. Особенно чужим.

– Почему чужим? – испугалась Маша.

– Красивые вещи, значит, любишь. А ну пойдем, покажу тебе мои сокровища, вон в тех саях, видишь? Неподалеку, у стрельцов под носом. А? Старые вещи для новой венцессы.

Маша решила, что бояться ей нечего, стража кругом, а красивые вещи она действительно любила. К тому же ее задело то, что старьевщик назвал ее «новой» венцессой. Без раздумий она прошла с ним до саней.

– Ну и не стыдно тебе? – тихо спросил старик по дороге.

– Чего мне стыдиться? – не поняла Маша.

– А воровка ты, – он добродушно посмеялся над ее возмущением. – Воровка и есть. Украла платье...

– Мне его подарили...

– Украла имя, титул, судьбу украла, а? Может, и жизнь, а?

– С чего вы взяли? – Маша уже жалела, что пошла с ним, она нерешительно оглянулась на стрельцов.

– Посмотри, какая штучка! – старьевщик забрался в свои сани и подал оттуда девочке дивное серебряное зеркальце в виде цветка подсолнуха.

– Ух ты! – Маша улыбнулась, глядя на свое отражение.

– Любишься, любишься, самое то для девчонки. А вот сюда еще глянь.

На свет появился потертый сундучок, обитый зеленой замшей. Немного поколдовав над крышкой, старьевщик вынул изнутри подвеску – вроде камеи, точь-в-точь как картинка с Гривухой на книге Рыкосы.

На ровном овале из белого непрозрачного камня, в обрамлении мелких речных жемчужин, был написан портрет молодой женщины. Длинный тонкий нос, пристальные темные глаза под белесыми бровями, худое лицо делали ее откровенно некрасивой, но взгляд ее был так печален и мудр, словно знала она некую ужасную тайну.

– Нравится? А? Похожа ты на нее? Смотри-ка, та же прическа, то же платье...

Маша с испугом поднесла к лицу зеркало – меньше всего на свете ей хотелось быть обладательницей острого носа и белесых бровей.

– Что вы глупости говорите! Почему я должна быть на нее похожа?

– Потому что это и есть Калина Горькослезная.

Сердце у Маши упало. Она прошептала помертвевшими губами прежде, чем задумалась о своих словах:

– Это неправда, она слишком взрослая, венцесса Калина должна быть девочкой, как я.

Она поймала злорадный взгляд старьевщика и поняла, что проговорилась.

Глава 7

Странные дела в Громовой груди

От смущения и испуга девочка принялась тараторить, не давая старьевщику сказать ни слова:

– Я оказалась в незнакомом замке, ночью, одна, простуженная, босиком, а утром все, кто заходит в комнату, называют меня венцессой, что мне оставалось делать? Ну пусть я выздоровела, набралась сил и попыталась рассказать привенихе, что я не венцесса, но кто по доброй воле откажется от замка, нарядов, еды, защиты рысарей? У вас вон сани есть, красивые вещи, а мне пришлось бы идти пешком, по снегу, неизвестно куда...

– Я не удивлен, – улыбаясь, остановил ее путанный монолог старьевщик. – И должен сказать, не ты первая, не ты последняя, кого Рыкоса рядит в это платье и пытается представить собранию рысарей, надеясь спрятаться за девчонкой от вражды других чистопородных рысарей. Но ты, почему ты согласилась стать самозванкой? Голод, нищета, я все понимаю – но неужели ты не задумалась о судьбе настоящей венцессы? Куда подевалась девочка, чьи платья, комната, украшения тебе достались?

– Может быть, ее никогда не было? – осмелилась предположить Маша.

– Как просто успокоить свою совесть, – покачал головой старьевщик. – Не было девочки, и все тут. И мне не поверишь, если я скажу, что знал ее еще малышкой. Как же, поверить – это признать себя преступницей. Тогда подумай, куда делись другие девочки, что становились самозванками до тебя? Хорошенько подумай, потому что твой путь лежит туда же...

– Куда? – переспросила Маша.

Старьевщик опустил глаза и печально вздохнул. И оттого, что он не сказал, девочке стало вдруг так жутко, словно ей только что сообщили, что она обречена, что ей придется уйти туда же, куда ушли венцесса и самозванки... Впрочем, примерно так оно и было.

Девочка глубоко вздохнула, чтобы взять себя в руки, посмотрела на стрельцов – черные силуэты на фоне низкого, набухшего, будто мокрая вата, неба, потом решила поделиться со старьевщиком:

– Может быть, я бы и сбежала, но только по ночам здесь я слышу какой-то зов. Кто-то просит меня прийти ему на помощь, а я даже не могу понять, кто и где, и что мне делать. Все, что я знаю – это кто-то из барака. Поэтому я и обратилась к кузнецу, мне обязательно надо посетить барак, выяснить, кто меня зовет и зачем.

– Девочка, я видел немало твоих предшественниц, и каждая из них находила свою причину, чтобы остаться в замке. Должен признать, твоя – самая невероятная. Ты обманываешь себя. В бараке нет никого, кроме рысарей, никому ты не нужна, кроме привенихи, да и у той свои тайные цели. Тебе надо бежать из крепости, пока сама госпожа сударыня не расправилась с тобой, или покуда не подошел к замку Зазубрина, уж его-то войско не оставит тут камня на камне.

– Не знаю, тетя добра ко мне, я нужна ей, зачем бы было со мной столько возиться? – Маша прятала глаза, ей не нравилось, что старьевщик напирал на нее, заставляет принять решение как можно скорее.

– Ага, тетя добрая и красивая, а меня, старика, ты в первый раз видишь, так? – старьевщик усмехнулся. – В общем, не знаю, поверил бы я себе на твоём месте.

– Да как вам верить, если вы ничего не говорите, только спрашиваете? – не выдержала Маша.

– Я надеюсь, что ты умная девочка. Давай договоримся – я оставлю тебе портрет венцессы, чтобы ты помнила, кто ты есть на самом деле. Завтра утром я уезжаю из замка. В моих

санях полно барахла, нетрудно спрятать одну девочку. Думай, решишь ты остаться с тетей, на милость Зазубрины. Или поедешь со мной.

– Если я поеду с вами, что я буду делать? – прямо спросила Маша.

– Меня это не касается, но не бойся, волкам в лесу я тебя не брошу, довезу до какой-нибудь деревни. Не о том ты беспокоишься, девочка. Ох, не о том... Иди, новая венцесса, думай. Только о нашем разговоре никому ни слова, поняла?

– Поняла, не дуручка, – грубо ответила Маша и поспешила прочь от старьевщика, непонятно, что ее пугало больше – его убежденность или смысл его слов? Она прошла в свою комнату и принялась швырять подушки.

– Твое чистопородие не в духе? – спросила заглянувшая в комнату тетка Дарья с большой чашкой бульона в руках.

– Вот скажите, стоит ли верить человеку, который конкретно ничего не сообщает, но постоянно словно намекает на что-то, запугивает, требует...

– Ты о ком? – с подозрением осведомилась служанка, собирая с пола подушки, вешая беличий плащ поверх зеркала.

– Ни о ком, в книжке прочитала, – поспешно ответила девочка, отворачиваясь к окну.

– А что он требует? На что намекает?

– Ладно, я вас ни о чем не спрашивала...

– Это чужой человек или кто-то из челядинов? С кем ты говорила? О чем? О маме?

Тетка Дарья так и этак допытывалась у Маши, что она имела в виду, но девочка уже замкнулась в себе, ей было стыдно за вспышку ярости. Для себя она уже решила, что не поедет со старьевщиком – с какой стати ей ему доверять? Папа бы этого точно не одобрил. Но и к тете после услышанного Маша начала относиться настороженно. Ее губы раздвигались в довольной улыбке, когда она представляла себе, что поедет к морю, на лошадях, может быть, в карете, что Авдуська перешьет ей парчовые платья, что в один прекрасный день она найдет способ проникнуть в барак. А куда торопиться? В свой мир она все равно вернется в ту же секунду, когда уходила. Почему бы ей не пожить несколько лет в мире рысарей?

– Если бы тетя и в самом деле боялась Зазубрину, она бы уже впереди паровоза летела из замка на Теплый берег, ведь в отсутствие хозяев крепости не воюют! – подбодрила себя девочка, вспомнив страницы летописи.

Однако на обед к тете девочку не позвали, ей в комнату Авдуська принесла куриную грудку с кислой капустой, бульон, пирожки с картошкой и жареным луком и ромашковый настой с медом.

– Госпожа сударыня с проверками по замку ходит, – бесхитростно объяснила девушка. – Запасы смотрит перед осадой, челядинов считает, вдруг кто детей из деревни привез или сродственников.

– С проверками! – вскинулась Маша. – Можно мне с ней, в барак...

– Тише, тише, – замахала руками Авдуська, – и не мечтай! С ней тетка Дарья ходит, уж она что-то знает. А тебе велено в комнате оставаться, к бараку и вовсе не подходи, подхватишь проклятье заново, от ледяного рысара, как знать. Давай я у тебя тут приберу маленечко, чтобы нам обеим не попало...

Но Маша поняла, что Авдуська лукавит – в комнате порядок она наводила для виду, больше вещи рассматривала да языком чесала. Видимо, хотела до темноты проследить за девочкой, что та не побежит в барак, а на ночь двери замка все равно запираются. А может, ей самой хотелось избежать проверок госпожи сударыни и тетки Дарьи. Села Авдуська в уголок со спицами в руках, принялась вязать рукавички, да байки рассказывать, как у них в деревне все в мире живут, с соседями не ругаются. Слушала Маша, пока не поняла, что соседями девушка называет нечисть – домового, банника, кикимору. Ей стало скучно, она притворилась, что спит. Даже храпела для виду.

Авдуська посидела, пока не начало смеркаться, потом вышла из комнаты, забрала посуду. Маша тотчас вскочила, надела вместо плетеных лаптей шерстяные носки, чтобы ее шаги в коридорах замка были бесшумными. Однако, пройдя немного по коридору, девочка насторожилась – что-то в замке ощутимо изменилось, он не казался больше безопасным. Может, это оттого, что нерадивые слуги не заменили погасшие факелы, и в коридорах стояла жуткая тьма. А может, все дело в странных звуках, заполнивших крепость от подземелья до верха башен – стон, плач, леденящие душу крики, при всем желании их невозможно было принять за ветер или сквозняки. Девочка замедлила шаг, прижалась к стене, уговаривая себя, что ей все только мерещится – странный разговор со старьевщиком, пропавшие девочки, Авдуськины байки... Но впереди по коридору раздался непривычный звук шагов – цоканье, словно кто-то шел в шерстяных носках не то с пришитыми к ним зачем-то шпорами, не то с металлическими набойками. Маша поплотнее запахнула куртку, чтобы свет фонарика колокольцев не выдал ее, юркнула в первую попавшуюся комнату, притаилась за ковром у входа, в щелку разглядывая сгустившуюся тьму в коридоре. Цоканье приближалось неотвратимо...

Показался теплый, дрожащий свет. По темному коридору, вытянув перед собой руку с факелом, шла Рыкоса Гривастая. Ее обычное платье казалось золотым, так на нем играли блики огня. Ее постоянно поджатые губы счастливо улыбались. Девочка вздохнула с облегчением и уже хотела выбежать из своего убежища, как вдруг ее остановило следующее – в левой руке тети она увидела синий цветок, и его острое лезвие было испачкано чем-то темным. Рыкоса явно брезговала положить его в рукав. А еще, не то от неверного света, не то от блика карие глаза привенихи посветлели, и глубина зрачков осветилась изнутри темно-красным, словно яшма на Машином платье.

Девочка замерла, ожидая, пока тетя пройдет мимо. Потом осмотрела комнату – такую же спальню, как и у нее, только на коврах были вышиты другие цветы, бледно-розовые розы на зеленом фоне. Спать в своей постели показалось страшно. Маша раскрыла чужой сундук – он был пуст. Только какие-то старые, поеденные молью шерстяные шарфы лежали на дне. Девочка с трудом содрала с себя жесткое платье, которое мешало залезть в сундук, свернулась клубочком, укутавшись в шарфы, захлопнула за собой крышку, как в первый день. Бусы кололи шею, портрет венцессы холодил кожу, перед глазами стояло лезвие кинжала привенихи, могла ли на нем быть кровь? Просто голова шла кругом... Маша сказала себе:

– Я все-таки чужая здесь. Надо помнить, кто я и почему оказалась в этом мире. Пусть сами разбираются в своих чистопородных интригах, портретах, самозванках, беспрекословных приказаниях, прочих подлостях, я в этом не участвую. Завтра я должна покинуть Громовую гряду, чтобы быть свободным СКВОЗНЯКОМ, исследовать этот мир и ни от кого не зависеть...

Глава 8

Маша в смертельной опасности

Утром замок наполнился криками, ржанием лошадей, скрипом саней, грохотом и скрежетом вывозимой челядью утвари, подальше от вечно воюющих рысарей, которым в радость все разбить и разломать. Этот шум проник под крышку сундука, где спала Маша, закутавшись в старые шарфы. На этот раз, проснувшись, она сразу вспомнила, что находится в другом мире, и примерно минуту лежала, напряженно прислушиваясь, соображая, можно ли ей вылезти из своего убежища.

Выскочив из сундука, расправив затекшие плечи и спину, первым делом девочка подбежала к узкому окну – обзор был не очень хорош, но она увидела стену с застывшим на ней стрельцом, суету людей во дворе, упирающихся коз, ведомых к воротам гладких и сытых лошадей. И только за стеной, на стыке свинцового неба и белой земли, в снежной круговерти – словно лес вырос за одну ночь. Длинный зубчатый силуэт, вчера его не было.

– Что это может быть? – удивилась девочка. Кроме шарфов, в сундуке не оказалось никакой одежды, пришлось снова втискиваться в парчовое платье. Без посторонней помощи надеть его, как полагается, оказалось невозможным, оно спадало с плеч, крошились перламутровые пуговицы, отлетали мелкие камешки, неопрятно свисали какие-то шнурки и ленты. Еще хуже обстояло дело с волосами – заплетенная вчера коса рассыпалась на отдельные перепутанные прядки, кое-как сдерживаемые тяжелыми шпильками с каменными бусинами. Недолго думая, Маша задрапировалась в дырявые шарфы и поспешила наружу. На небольшом крыльце, у маленькой двери, ведущей в замок, стояла привениха и о чем-то сердито спорила со Старшим.

– Вы отправили коз, свиней, даже кур, как рысари будут сражаться на одной воде? Как мы переживем осаду?

– Некому будет ухаживать за животными, никто из челяди не желает оставаться в замке, – отвечала тетя Рыкоса. – Назначьте кашевара, пусть варит кашу, в амбарах достаточно овса, предназначенного для лошадей, а лошадей не будет...

– Никто из слуг не остается? – удивилась Маша. – Куда все бегут? И как же мы без них, замок большой!

Старшой неприязненно покосился на девочку, что-то прошипел сквозь зубы и отошел в сторону. Глаза Рыкосы вспыхнули гневом, она толкнула Машу обратно в дверь замка. Девочка отлетела к стене коридора, схватилась за ушибленное плечо, скорее удивленная, чем испуганная, воскликнула:

– Что вы делаете?

– Как смеешь ты появляться в таком виде перед рысарями и челядью, да еще в такой момент! – чеканя каждое слово, произнесла привениха. Тут только девочка обратила внимание, что поверх обычного платья Рыкосы сверкала, словно отполированная, стальная кираса, косы были подобраны под круглый шлем с меховой опушкой.

– Ко мне не пришли служанки, мне не во что было одеться, и я не умею делать прическу...

Привениха выхватила кинжал, обкромсала свисающие ленты и завязочки, потом рванула девочку за волосы так, что шпильки рассыпались по полу. На глазах у Маши выступили слезы, но она стиснула зубы, чтобы не произнести ни звука...

– Не можешь надеть платье, иди в броне. Не можешь причесаться – иди простоволосой. Но держи себя с достоинством. Не показывай слабости, страха или иных чувств, помни, что ты венцесса!

– Я не венцесса, госпожа, позвольте мне уйти... – прошептала девочка.

Привениха неожиданно ударила ее по лицу – не сильно, но чувствительно – и сказала:

– Вчера я принесла первую жертву крови твоему титулу. Отныне ты венцесса, раз и навсегда, и другой не будет. Отработай свой долг перед Громовой грудой!

– Долг? – переспросила девочка. Но Рыкоса Гривастая повернулась и вышла за дверь, оставив Машу в темноте, недоумевающую. «Может, я не венцесса, а самозванка. Может, я не вполне понимаю, какой у меня долг перед этой крепостью, но я человек, у меня тоже есть гордость, я не хочу, чтобы со мной так обращались», – решила девочка, вытерла слезы, как могла, привела себя в порядок, заплела простую косу, накрепко застегнула куртку и вышла за дверь. Молча встала рядом с теткой, не глядя на нее. Мимо, поскрипывая, визжа полозьями по неплотно покрытому снегом камню, медленно двигались сани. Маша заметила заплаканную Авдуську, прижимающую к себе пеструю курицу, укутанную в шаль, и бросилась к ней:

– Пожалуйста, возьмите меня с собой! – попросила она.

– Нельзя, Калиночка, войско Зазубрины не пропустит, убьет прямо по дороге, – шмыгнула носом молодая служанка.

– Войско? Где? За что убьет? – напрасно спрашивала Маша, от саней ее оттеснил дядька Завояка.

– Вот что, барышня, не рвите сердце людям. Их Зазубрина пропустит, а ваше чистопородие – нет. Вон они, ждут за стенами, когда челядь вывезут, чтобы начать войну за Громовую грудку...

– Но я не... – начала Маша и оглянулась на Рыкосу. Та не сводила с нее кошачьих глаз, брови были нахмурены, лицо бледно.

– Назвался груздем, полезай в кузов, – без сожаления шепнул дядька Завояка и отошел в сторонку.

Маше казалось, что весь мир, все люди против нее. Чтобы скрыть слезы, она взбежала на замковую стену, встала рядом со стрельцом, якобы посмотреть на войско Зазубрины. Так и есть – смутные тени выступали из тумана, в том леске, что она заметила утром, теперь ясно угадывались силуэты людей, коней, копий. Неотвратимая опасность, сдавленные рыдания, тихий, какой-то обреченный скрип саней, низкое небо над головой, все в сизых лохмотьях, словно по нему распустилась чья-то неопрятная борода. Жгучая обида на тетку, на рысарей, даже на Авдуську, а особенно на злой рок, что закинул ее в этот замок – все переполняло грудь, жгло слезами, рвало душу на части.

Маша поняла, что ей нужно что-то сделать, как-то выплеснуть глухое отчаянье и безнадежность. Но что? Не со стены же вниз головой...

– Я бы не попала в этот мир Сквозняком, если бы не могла справиться, – напомнила себе Маша. – Я обязательно вернусь домой, когда найду, для чего же я переместилась в этот мир.

При слове «домой» ей стало немножко легче, там мама и папа. Подумав о родителях, Маша вспомнила мамин любимый романс – он, как ничто другое, подходил сейчас, чтобы хоть немного облегчить сердце...

Утро туманное, утро седое,
Нивы печальные, снегом покрытые,
Нехотя вспомнишь и время былое,
Вспомнишь и лица, давно позабытые...

Да, это было то самое седое утро, печальная равнина с покидающими замок людьми... Маша пела, потому что не могла иначе, потому что сердце ее раскололось бы без этих слов, этой музыки. Она не думала о том, что ее слышат, но пела все громче и громче, чтобы не расплакаться, голос ее разносился над притихшим каменным двором, усиливался горным эхом, и девочка не сразу поняла, что последние две строки неуверенно подтянули простые люди в санях – слуги, кухарка, дворник, а за ними стрельцы и даже некоторые рысари.

– Душевно получилось, – тихо обратился к Маше стрелец. А та уже заметила, что рысари смотрят на нее более ласково, чем утром. Даже Старшой вдруг кивнул ей ободряюще. Словно разжалась ледяная рука, которая сжимала сердце. И уже почти неважно было, что при последних звуках песни тетка повернулась и ушла в замок, никак не выразив приемной племяннице ни свое одобрение, ни порицание...

Едва за последними саями захлопнули ворота, люди во дворе замка пришли в движение. Прикатили огромные котлы, разожгли костры, наверх стали поднимать длиннющие деревянные щиты. Маша присела за одним из зубцов, с интересом следя за приготовлениями. Снаружи замка тоже произошли изменения. Пропустив обоз, вперед коней вышли стрельцы – с луками и арбалетами, зачем-то вынули стрелы из колчанов и воткнули их перед собой в снег.

– Зачем это? – спросила Маша у стоящего рядом стрельца, того, который похвалил девочку за песню.

– Ты все еще тут?! – рявкнул он. – А ну в замок! Пошла, быстро!

Он схватил ее за руку, намереваясь не то помочь спуститься, не то вообще сбросить, для скорости, но в этот момент нарастающий тихий гул прервался короткими всхлипами. Стрелы посыпались градом на тех, кто не успел укрыться за зубцами стены. От Машиной брони из драконьей стали стрела отскочила, а вот спасавшему ее стрельцу пронзило руку. Он осел в снег, со свистом выдыхая сквозь зубы воздух...

Маша смотрела на него широко раскрытыми глазами, не в силах сдвинуться с места. Сказочный рыцарский мир вдруг словно раскрылся перед ней, стал реальным, опасным, пугающим – и все из-за боли другого человека.

– Иди отсюда, – повторил стрелец.

Маша едва ли не кубарем скатилась по лестнице, и только у подножья вспомнила про старьевщика. Ведь он же обещал взять ее с собой, значит, знал, как спрятать ее от тетки или от Зазубрины!

Сани, полные барахла, по-прежнему сиротливо стояли у ворот. Старьевщик не покидал замка. Девочка побежала к кузнецу, пригибаясь к земле, когда раздавался уже знакомый страшный гул. Дядька Степан раздувал горн, на его лице плясали отсветы пламени, к нему страшно было подступиться, но Машу это не испугало:

– Дядь Степан, а где ваш друг, старьевщик? – попыталась она перекричать ревущее пламя.

– Вали отсюда! – рявкнул кузнец, от его бывшего добродушия не осталось и следа.

– Где он? Его сани во дворе.

Кузнец ничего не ответил, но так жажнул молотом по наковальне, что расплавленное железо только всхлипнуло. Больше спрашивать Маша не решалась.

На очереди был барак – девочка подумала, что раз все рысари у стен, там никого не осталось, можно его обследовать, а заодно посмотреть на таинственного обледеневшего больного. Снаружи дверь в барак подпиралась палкой, которую девочка вытащила не без труда, пришлось хорошенько попинать по ней.

Дверь распахнулась. Внутри было сумрачно и тепло. В бараке никого не было. Уже повернувшись к двери, девочка столкнулась с молодым, безусым рысарем, шапка все время спадала ему на лоб. Он нес мешок с крупой, который свалил на пол при виде девочки.

– Ты чего тут забыла? Вали, пока Старшой не видел!

– Я искала того, кто звал меня сюда пару дней назад...

– Чего? Вали, пока не получила! – молодой рысарь, очевидно, получил блестящее рысарское воспитание.

– Ну хорошо, – на всякий случай отбежав поближе к двери, сказала Маша. – Хоть кто-нибудь необычный или не рысарь в бараке был? Например, с проклятьем ледяной кости!

– Был, – неожиданно мирно ответил парнишка. – Увезли его, вчера. Повезут по деревням, в поисках звездных лекарей. Иди, а? По-хорошему!

Маша ушла по-хорошему. Пробралась на кухню, отпилила от буханки на столе кусок, съела его с солью, запила водой с медом. Потом вернулась в свою комнату, села поближе к окну, смотреть, как идет осада. «Неизвестно, сколько дней они будут сражаться, стены крепкие, может, еще все обойдется», – утешала себя девочка. Бой изнутри казался совсем не страшным, просто несколько человек выполняли бессмысленную, тяжелую работу – носили на стену ведра с чем-то жидким и дымящимся, прятались от стрел, потом собирали их, стрельцы сидели за зубцами стены – так проходил день, от скуки Маша даже начала распускать один из найденных шарфов. Но едва небо тронула вечерняя синева, по двору замка раздался крик:

– Катапульти подошли...

– Ну и что, – пропела в ответ девочка весьма легкомысленно. И вдруг от страшного удара как будто закачались стены... Маша выглянула в окно – часть башни, на которой минуту назад стоял человек с арбалетом, медленно начала оседать.

– Они прорываются в замок! – девочка вскочила на ноги. – Они скоро будут здесь!

Лихорадочно осмотрела комнату, взгляд остановился на сундуке. Глупая затея! Ворвавшись в крепость, рысари наверняка первым делом все сундуки перевернут в поисках богатств! Что же делать?

Маша поступила так же, как любая девочка, окажись та на ее месте – побежала за защитой к единственному почти родному человеку, которого только могла вспомнить. К тетке Рыкосе, в тронный зал. Едва открыв тяжелую створку двери, она встретилась взглядом с глазами старьевщика. Он сидел, неловко скособочившись, смотря прямо на вошедшую девочку, на губах у него навеки осталась грустная, виноватая улыбка. Он был мертв. На его груди темнели пятна засохшей крови...

Рыкоса стояла, прямая и торжественная, у окна, следила за ходом битвы. Обернувшись на Машин всхлип, она дернула уголками губ, словно сдерживая улыбку, и произнесла:

– Не пугайся, это лишь первая жертва крови. Сколько их еще будет... Прими свою судьбу с достоинством и не моли о пощаде.

Маша попятилась и стукнулась затылком о край двери. Привениха продолжала как ни в чем не бывало:

– Зазубрина надеется прорваться внутрь. Не бойся, детка, я никому тебя не отдам. После всего, что я для тебя сделала... Я лучше сама убью тебя.

Девочка бросилась бежать. Она вернулась в свою спальню, упала на кровать прямо в обуви, броне и беличем плаще, нащупала в кармане зеркало, взятое из дома, и заплакала, обращаясь неизвестно к кому:

– Заберите меня отсюда, я не хочу здесь больше оставаться!

От каждого нового грохота она вздрагивала всем телом.

И вдруг все прекратилось. Наступила тишина. Маша села, прислушиваясь и гадая, что бы это могло значить. Вдруг по коридору загремели рысарские валенки с набойками. Девочка до боли закусила губы. Больше всего ей хотелось, чтобы люди прошли мимо ее комнаты. Это не ее война! Оставьте ее в покое!

Но вот ковер у входа сорвали. В спальню вошли дядька Завояка, Старшой и дядя Степан.

– Что? – одними губами спросила девочка, голос у нее вдруг пропал.

– Тетка где? В зале? – отрывисто спросил Старшой и выглянул в коридор.

– Девочка, не бойся, только тихо, – мягко сказал кузнец, его почти белые глаза блуждали, борода была наполовину обгоревшей. – У меня дочка такая же, как ты, меньшая.

– У Зазубрины с Рыкосой личные счеты, – объяснил, вернувшись, Старшой. – Между собой они драться не будут, но ни один из них тебя не пощадит. Мы решили предать привениху,

долго объяснять, почему, уверяю тебя, у нас есть на это причины. Через десять минут ворота откроются...

– А как же я?

– Ты не бойся! – кузнец поднял девочку на руки, та была слишком напугана, чтобы сопротивляться. – Рысари тебя пожалели, уж больно песня была душевная. Может, ты и не такая дурная, как привениха. Может, ты еще справишься. Сплавим тебя по речке, в бочке, никто не узнает. Тихо только, помалкивай, пока старая ведьма не услышала...

Он отнес Машу на стену с восточной стороны, где девочка еще не была ни разу. Взглянув вниз, она увидела быструю горную речку – из тех, что не замерзают даже зимой, мелкие, быстрые, с чистой ледяной водой, бегут среди камней, чтобы потом низвергнуться водопадом. Память услужливо напомнила девочке урок географии – когда они с классом проходили Ниагарский водопад, учительница рассказывала о смельчаках, пытавшихся спуститься по нему в бочке. Из них мало кто выжил...

– Нет! – завопила девочка во все горло. – Нет, я не хочу! Я боюсь!

– Ты клубочком свернись, – посоветовал кузнец, с размаху сажая ее в бочку. – Бочка надежная, не развалится, не протечет. Вот я тебе подушечек подложу. И наковальню привяжу, чтобы не перевернулась. Как будто дочку провожаю. Ничего, Звезды на горе охранят бедняжку...

Невзирая на все ее мольбы, бочку наглухо запечатали. Потом девочка почувствовала, что отрывается от земли, и свернулась, как могла, клубочком, закрыв руками голову, прижав ее к коленям. В это время раздался скрежет – распахнулись ворота. И в тот же миг пространство расколол бешеный крик Рыкосы:

– Предатели! Вы думали, я вам позволю? Да я сама вас сожруууууу!..

На последних словах ее крик перешел в рычание, от которого, казалось, завибрировала Гора Ледяной угрозы. Что было дальше, Маша не знала. Бочка полетела в воду...

Глава 9

В лапах у снежного волка

Следующие несколько минут были самыми страшными в ее жизни, для Маши они растянулись в вечность. Видимо, та сила, что бросает Сквозняков в другие миры, все-таки была на стороне девочки. Ей очень повезло. Бочка оказалась крепкая, привязанная наковальня отвалилась как раз вовремя, выполнив свою задачу, доведя бочку до водопада, но не утопив ее затем в глубокой реке, плавно катящей свои воды в долине. Маша не знала, что бочка благополучно миновала все опасности. Для нее время остановилось в реве воды, в темноте, в скованности движений, в неожиданных ударах и подкатывающем к горлу чувстве ужаса перед неведомым. Когда бочка застряла в прибрежных льдах, в долине, девочка по-прежнему боялась пошевелиться, чтобы все не началось сначала. Тихо журчала вода, поскрипывал снег, скрежетали доски об лед, с каждой минутой становилось все холоднее. Вдруг что-то с размаху плюхнулось на бочку, в крышку вонзилось лезвие ножа, до крови оцарапав Машину кисть.

– Эй! – попыталась крикнуть Маша, но горло сжало не то от холода, не то от переживаний. Она запаниковала и попробовала крикнуть еще раз и еще, пока тот, кто нашел бочку, не обратил внимание на странные звуки, идущие из нее.

– Ой, тут кто-то живой? – ахнул мальчишеский, ломающийся голос. – погоди, я сейчас!

Неизвестный попытался выкатить бочку на берег, потом просто разбил крышку и вытащил за плечи замерзшую, одеревеневшую Машу. Оказалось, что уже совсем стемнело, небо было почти черным над белыми горами на том берегу реки. А на этом берегу дремал заснеженный лес, нахохлившиеся ели с недоверием косились на факел в руках того, кто вытащил Машу.

– Как ты там оказалась? – спросил он, разглядывая при свете факела ее роскошное парчовое платье. Девочка же в свою очередь уставилась на своего спасителя – а там было на что посмотреть. Невероятная шапка в виде головы волка, клочкастый, словно сшитый из кусочков, серо-белый жилет поверх толстого серого свитера, обшитые мехом валенки со следами споротой вышивки. Все это было надето на парня лет четырнадцати, с простодушным веселым лицом, курносого, белобрового.

– Эй, ты говорить можешь? – забеспокоился спасатель. – Головой, что ли, стукнулась? Ты вообще что-то видишь перед собой?

– Лешего, – автоматически ответила Маша. Парень неожиданно развеселился:

– Точно, леший и есть, под него ряжусь! Дикушка я, Мишка. А ты, видать, из чистопородных? А в бочке для развлечения катаешься?

Маша попыталась встать с сугроба, но ноги ее не слушались. Правое плечо отозвалось острой болью, многочисленные ушибы и царапина от Мишкиного ножа ныли, у девочки даже слезы из глаз брызнули.

– Ага, прикольное такое развлечение, – хриплым голосом пожаловалась девочка. – Замок, где я жила, Зазубрина захватил, меня рысари в бочке через водопад отправили, сказали, что ни Зазубрина, ни хозяйка замка, Рыкоса, меня не пощадят. Потому что выдали меня за чистопородную венцессу Калину, а теперь сами не знают, зачем. Спрятаться мне от них надо, так, чтобы не узнали.

– Зовут-то тебя как, бедолага? К дикушкам пойдешь, не боишься?

– Маша я. А кто такие дикушки и почему их надо бояться?

– Ладно, боишься или нет, неважно, не оставляй же тебя, раненую, ночью в лесу, повезу тебя в наше убежище, где тебя накормят, подлечат, там же все и узнаешь. Вот только братца моего названного, Мохнатко, не испугайся.

– Братца? – с недоумением переспросила Маша, оглядываясь. Из темноты между елками вперед выступил огромный белый волк. Его серебристая шерсть мягко обрисовывала могучую грудь, золотистые глаза с вызовом смотрели на замершую от ужаса девочку.

– Не бойся, не бойся, – зашептал Мишка, обхватив девочку за плечи, видимо, чтобы та от испуга обратно в реку не кинулась. – Он же не простой волк, а снежный! Они умнющие, испокон веков с дикушками живут. К тому же Мохнатко только что хорошо поел. Не бойся, он тебя отвезет в убежище, а я рядом буду.

– Я порезалась, – напомнила ему пришедшая в себя Маша. – А он все-таки зверь, вдруг учует?

– Да, запаха крови они не любят, то есть беспокоит он их, но у меня с собой мята сушеная есть, натолкаю в рукавицу, надену тебе на руку. А ранку сейчас перевяжем, – Маша подумала, что Мишка слишком много говорит, что бы он ни делал, все комментировал. Маше все-таки было очень страшно. Тем не менее, хоть и сжав до боли зубы, девочка забралась верхом на спокойного, полного достоинства Мохнатко.

– А я не упаду? – с опаской спросила она.

– Нет, пока за зубки держишься.

– За какие зубки?

Мишка показал на заплетенные у волка за ушами из неправдоподобно длинной шерсти две тощенькие косички, на конце каждой висело по человеческому зубу.

– Зубки, охранники, волшебные бирюльки, – пояснил Мишка. – Волка за волосы не дергай, просто старайся за зубки держаться, не упадешь, будешь сидеть, как приклеенная, если только веткой еловой не сбросит. Не бойся, Мохнатко медленно повезет.

Маша прижалась к гладкой спине волка, ощущая, как под его шкурой ходят литые мышцы. Ощущение тепла окутало ее, замерзшую и испуганную, легкая качка начала убаюкивать. Навстречу плавно двигался заснеженный лес, в свете Мишкиного факела он казался золотым, словно на сугробах из пенистого, внезапно замороженного лимонада выросли рождественские елки, усыпанные мишурой из фольги. Мишка бежал рядом, положив руку на шею волку, его странные круглые плетеные лапти, надетые на валенки, не оставляли следов на снегу. Впереди по дороге, среди расступившихся деревьев, показалась поистине исполинская ель. Девочка запрокинула голову, стремясь рассмотреть верхушку, вдруг прямо перед ней, среди покрытой снежной пудрой темной зелени хвои зажглись два огромных совиных глаза. Ель взмахнула мохнатыми ветками, завывла так страшно, что Маша невольно выпустила из рук «зубки» и скатилась с гладкой волчьей спины.

– Прочь! Прочь! Прочь-прочь-прочь! – запыхтела гигантская ель, с ее лап на девочку посыпался снег.

– Стой, стой! Снеговик! – завопил Мишка. – Или ты меня не видишь?

Мохнатко сел на снег и протяжно зевнул.

– Мы это, Мишка с Мохнатко! Не признал? А вот это Машка, в гости к нам! Пустите!

– Мишку знаю, Мишку пушу, Мохнатко знаю, Мохнатко пушу, Машку не знаю, Машку не пушу.

– Ну почему? – удивился Мишка. – Что в ней страшного? Неужто девчонка дикушек обидит?

– Не обидит, не страшная, – согласился снеговик. – Чужая. Не из лесу, не из деревни, не с горы, совсем чужая.

«Может, он чувствует, что я Сквозняк?» – подумала Маша и вышла вперед, слегка поеживаясь от сыпавшего за шиворот снега.

– Снеговик,пусти меня, пожалуйста, – попросила она. – Я замерзла, я ранена, мне в лесу ночью нельзя оставаться.

– Нельзя, – согласился снеговик. – А давай породнимся, не будешь чужой?

– Это как? – опешила девочка.

– Скучно мне, – признался снеговик. – Поболтать не с кем. Воспитывать некого. Внучку бы мне.

– В каком смысле?

– Я понял! – обрадовался Мишка. – Не вопрос! Маша, дело в том, что мы снеговика слепили поверх нашего убежища, охранять. Это нетрудно, слегка поколдовать – и такими можно хоть целый лес заселить! Нет, ну целый лес – перебор, но одну-то снеговичку можно. А вон и елочка подходящая! Только тебе самой придется поработать, ты как бы мамой ее будешь, тогда тебя снеговик за родную признает!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.